

НИКОЛАЙ II И АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

Николай Шамагонов

Любовь,
победившая смерть

Любовные драмы

Николай Федорович Шахмагонов
Николай II и Александра
Федоровна. Любовь,
победившая смерть
Серия «Любовные драмы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540724

Николай II и Александра Федоровна. Любовь, победившая смерть:

ISBN 978-5-4484-7814-7

Аннотация

Медовый месяц императора Николая II и императрицы Александры Федоровны продолжался 23 года! Они были примером не только в любви, но и в воспитании детей. О их дочерях полковник Е.С. Кобылинский, начальник Царскосельского караула и особого отряда по охране царской семьи в Тобольске, писал: «Все они, не исключая Татьяны Николаевны, были очень милыми, симпатичными, простыми, чистыми, невинными девушками. Они в своих помыслах были куда чище очень многих современных девиц и гимназисток даже младших классов гимназии». В книге писателя Николая Шахмагонова рассказывается об удивительных отношениях в императорской семье, разоблачаются многочисленные сплетни, показана эпоха войн и революций, изобилующая суровыми

испытаниями, обрушившимися на государя Николая II, его супругу и детей.

Содержание

Пролог	6
«Была без радостей любовь...»	15
Любовь и нравственность русских царей	25
Любовные драмы императоров России	43
Как рано кончилась весна «счастливой юности»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Николай Федорович
Шахмагонов
Николай II и Александра
Федоровна. Любовь,
победившая смерть**

© Шахмагонов Н.Ф., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

«Как последние встречи горьки...»

В советское время, много лет спустя после того события, с описания которого я хочу начать книгу, появилась душераздирающая песня Ирины Линдт «Догорает и гаснет свеча», великолепно ею исполненная.

Догорает и гаснет свеча,
Зыбкий сумрак у шторы тaitся.
Что же ты у окна замолчал,
Что же я опустила ресницы.

В этот поздний, неласковый час
У судьбы нет для нас больше шанса.
Что тебе до моих грустных глаз,
Отзвучали аккорды романса.

Ну и далее как раз фраза: «Как последние встречи горьки...»

Песня трогает душу, хотя мы не знаем ни героя, ни героини текста. И неудивительно... Порою нас трогают в большей степени именно песни о чем-то общем и неконкретном, а не судьбы реальных людей, в реальной обстановке, описанные в очерках и других документальных повествованиях. Быть

может, это оттого, что в общем и неконкретном легче найти что-то относящееся к себе, а не к определенному герою? А может, это еще и потому, что дежурные фразы о любовных отношениях знаменитых людей оказываются слишком дежурными, слишком общими. И мало того, в печати появляется множество издевок над самыми искренними, самыми глубокими чувствами героев документальных повествований.

А вы попробуйте, дорогие читатели, хотя бы на миг поставить себя на место героев событий давних, событий для этих героев трагических. Попробуйте посмотреть на них хотя бы через призму песни, слова которой приведены выше. Попробуйте вспомнить какой-то эпизод из своей жизни, когда вам приходилось вот так же восклицать: «Все было, было было...» Если, конечно, вы способны любить. Ведь человек, который способен испытать высокое, светлое, всепобеждающее чувство, обязательно, хотя бы раз в жизни испытывал и горечь от рухнувших надежд, когда «у судьбы нет для нас больше шанса».

Такое вот горькое чувство в конце девятнадцатого века, а если точнее, в 1894 году, а если еще точнее – летом 1894 года – испытали два человека. Он: цесаревич Николай Александрович, которому вот-вот предстояло, в связи с тяжелой болезнью его отца императора Александра III, вступить на российский престол, а потому, до этого момента, нужно было обязательно жениться – таков был порядок в Российской

империи.

Она: неотразимая красавица, будущая звезда русского балета, Матильда Кшесинская, «слава русского балета». Стать украшением и славой русского балета предрек ей в день выпуска из Петербургского театрального училища император Александр III.

Цесаревичу Николаю шел двадцать седьмой год. Матильде должно было вот-вот исполниться двадцать два года.

В тот день, едва цесаревич Николай вошел в дом, Матильда по выражению его лица, по всему его виду поняла: стряслось что-то ужасное для них обоих.

Он объяснил не сразу. Видимо, долго думал, как начать разговор, который был ему неприятен, а для нее и вовсе ужасен.

Ничего нового он не мог сказать. Все, о чем нужно было сообщить ей, она в принципе знала, и о том они прежде не раз говорили. Да, он наследник престола, да, не волен в своих поступках, не волен в своей любви. Увы, как поется в современной песне, «все могут короли!» Все кроме одного – жениться по любви не имеют права.

Догорали свечи, а он все говорил и говорил о разном, не значащем. И наконец произнес:

– Я должен жениться, Маля... Я должен жениться на Алисе. Я тебе рассказывал о ней.

Да, он рассказывал о сватовстве, и Матильда уже пережила первые тревоги, даже бывала близка к отчаянию, мучи-

лась, ожидая этого страшного для нее события. Но сватовство пробуксовывало. Что-то там не складывалось у них – то Алиса сомневалась, то противилась перемене веры.

И вот все было улажено.

– Я тебе говорил о ней! – повторил цесаревич. – Это лучшее из того, что меня могло ожидать.

Он не хотел ранить Матильду, Малю, как он называл ее, потому что ее так звали близкие. Не хотел ранить правдой. Так случилось, что он полюбил свою невесту, но он еще не разлюбил и Малю. Трудная, ох, трудная была для него ночь. Они говорили, только говорили – ни на что более не было ни моральных, ни душевных сил.

Да, вот так случилось... Порою те, кто хочет превратить образ цесаревича в икону, утверждают, что он полюбил свою будущую жену сразу, полюбил окончательно и навсегда. Но нужно ли это? И добавит ли такая ложь что-то еще более положительного к образу императора Николая II, к памяти о нем? Ведь в тот период, когда сердце его было озарено любовью к Матильде Кшесинской, он не был ни императором, ни женатым человеком. Он был холост и волен в своих поступках, хотя, конечно, и волен весьма ограниченно. Ведь его любовь, даже самая настоящая любовь, искренняя, всепобеждающая, не могла привести к браку, ну а его отношения с девушкой, с которой он не мог, не имел права создать семьи, конечно, можно было осудить, но осудить-то с позиций того времени.

Но в ту пору он не подвергался таким осуждениям, которым подвергается ныне в век порочный, в век, когда соблазнение молодых девиц даже при обстоятельствах гораздо менее оправданных, считается нормой и не подвергается никаким порицаниям, когда брак, не освященный церковью, считается гражданским браком. Он жил и любил во времена, когда совместная жизнь мужчины и женщины не в браке считалась сожительством, блудом. Это теперь блуд и соительство стали гражданским браком.

И вот в наш век зачастую авторы порочные и, наверное, в очень редких случаях безгрешные осуждают даже не цесаревича, а императора – что и вовсе в корне ложно – за то, что сами себе позволяют с лихвой, за то, за что не порицают своих родственников, друзей, знакомых. Ну а подобными поступками всякого рода известных слуг некоего подобию Мельпомены просто восхищаются.

Но в тот тяжелый для возлюбленных вечер Николай Александрович был еще только наследником престола, был холост, хотя связан по рукам правилами не им придуманными. И вот он должен был наступить на горло собственной песне. И наступил...

Матильда выслушала молча. Что она могла сказать? Упрекнуть? За что? Она ведь все это знала, знала, знала. С того самого времени, как влюбилась в цесаревича, с которым познакомилась на выпускном вечере в своем Петербургском театральном училище.

Какой же это был прекрасный вечер! Цесаревич присутствовал на нем с родителями, и его отец, император Александр III, сам попросил представить ему Матильду Кшесинскую, подающую большие надежды. Он сказал ей: «Будьте украшением и славою русского балета», а потом усадил за стол рядом со своим сыном, цесаревичем Николаем.

И хоть предупредил шутливо: «Вы там не очень флиртуйте», разве можно было остановить биение сердец двух молодых, красивых людей, мечтавших о любви. Состоявшееся знакомство имело самое серьезное продолжение, потому что между молодыми людьми пробежала та искра Божья, которая немедля и со всею силою воспламеняет любовь.

И все, все, что было далее, случалось вовсе не против воли Матильды. Да, конечно, инициатором развития любовных отношений чаще всего бывает мужчина. Цесаревич, сраженный красотой Матильды, долго поначалу оставался очень и очень робок. И если бы она сразу и твердо сказала: «Нет!», конечно, ничего и не произошло. Но ведь она не только не говорила «нет», но, напротив, ждала с нетерпением встреч, которые постепенно становились все менее и менее невинными, а затем привели к тому, что у Матильды появился свой дом, в котором и происходили эти свидания влюбленных.

Матильда Кшесинская

Но ведь она не могла надеяться, что эти встречи, эти отношения будут постоянными, что они могут привести к соединению брачными узами. Она знала, что это совершенно исключено.

Впрочем, всегда ли влюбленные, особенно молодые влюбленные, продумывают и просчитывают все, что их ждет впереди.

Безвинное знакомство, безвинные разговоры, затем, тоже поначалу безвинные, встречи. Посещение больной – тоже безвинное. Ведь цесаревич первый раз решился прийти к Матильде в гости, когда она заболела и лежала дома. И все эти множасьиe безвинности постепенно перешли в отношения любовные, причем восторженные, сильные, которым

можно только позавидовать.

Цесаревич понимал, что рано или поздно ему придется прекратить эти отношения. Его цельная натура не допускала продолжения романа с Матильдой после брака с той, которой суждено стать его супругой и российской императрицей.

И вот настал день, когда он хотя и был еще рядом с ней, но уже далеко от нее. Как же точно выражено такое состояние в песне Ирины Линд:

Но напрасны мои все слова,
Что же сердце так глухо заныло.
И кружится моя голова
От жестокого слова – все было...

О чем бы они ни говорили, все уже было, было, было... И впереди – пустота. Пустота, которую заполняют другие близкие им люди. У него будущая супруга, у нее... Пока еще неизвестно, кто будет у нее. А в те минуты ей, наверное, казалось, что никого не будет, потому что для нее не было никого, кто мог бы сравниться с возлюбленным Ники.

Цесаревич что-то говорил о том, что она может всегда обращаться к нему с любым вопросом, с любой просьбой – и он всегда будет делать все, что в его силах.

Он сказал ей, а потом повторил эту фразу в последнем письме к ней:

«Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей мо-

лодости».

И она ответила так же и теми же примерно словами. Ведь и для нее он самое лучшее, что было в ее жизни, – самое яркое, прекрасное, незабываемое.

И он, и она полагали, что эта встреча была последней. Но... Оказалось, что сочли они так преждевременно...

Недаром известный русский философ Н.А. Бердяев говорил: «Настоящая любовь – редкий цветок», а Лев Толстой писал: «Главное в жизни – любовь. А любить нельзя ни в прошлом, ни в будущем. Любить можно только в настоящем, сейчас, сию минуту».

«Была без радостей любовь...»

Шел 1894 год. Отец цесаревича Николая император Александр III был опасно болен, причем настолько опасно, что, несмотря на надежды, которые, как известно, умирают последними, постепенно угасал, шаг за шагом приближаясь к тому рубежу, когда настанет час отправиться в лучший мир. И точно так же, шаг за шагом, он, наследник престола, цесаревич, приближался к тому рубежу, когда настанет час взойти на престол русских царей, сменив на нем отца, как тот сменил его деда Александра II Александровича, а тот, в свою очередь, его прадеда Николая I Павловича.

Что поделать? По законам Российской империи государи не принадлежали себе в личной жизни. Точно так же, как и он, цесаревич Николай Александрович, испытал личную драму в любви и его отец Александр Александрович, который по воле судьбы превратился из великого князя, второго по старшинству сына императора Александра II, в наследника престола.

Беседа умирающего императора Александра III с цесаревичем в Ливадии.

Неизвестный художник

И у его отца, будущего императора Александра III, была сильная любовь, которую он вынужден был убить в себе сам. Убил ли он ее окончательно? Кто ответит на этот вопрос?

А любовь была очень сильной, любовь была всепобеждающей. Предметом той любви явилась Мария Элимовна Мещерская, девушка с тяжелой, трагической судьбой. Она рано лишилась родителей, и императрица Мария Александровна, супруга императора Александра II, принимала участие в ее судьбе с самых ранних лет. Именно императрица подобрала ей воспитательницу, вдову блестящего в прошлом военного разведчика Александра Ивановича Чернышева, творившего чудеса в стане Наполеона, а впоследствии ставшего военным министром России. Затем ее воспитывала дочь Чернышева Елизавета Александровна, по мужу Барятинская. Но тут случилось непредвиденное. Барятинский сам влюбился в воспитанницу. Он не предпринимал никаких действий, он тщательно скрывал свою любовь, но трудно было обмануть сердце супруги.

Чтобы разрядить обстановку, императрица Мария Александровна взяла Марию Мещерскую во фрейлины.

В ту пору великие князья нередко влюблялись во фрейлин своих матерей и сестер. И это не случайно. Ведь во фрейлины, как правило, подбирали девушек не только образованных и воспитанных, но, что самое главное, красивых.

В 1864 году Александр Александрович был великим князем, поскольку трагедия со старшим братом цесаревичем

Николаем Александровичем еще не произошла. И вот девятнадцатилетний великий князь увидел красавицу Марию Мещерскую. Увидел и полюбил с первого взгляда. А ведь сразу и не скажешь, что в таком здоровяке, спокойном, выдержанном и уравновешенном молодом человеке, могли кипеть бурные страсти. Но они кипели, еще как кипели, о чем станет известно далее.

Да и как не влюбиться в такую девушку?! К примеру, одна из ее современниц Е.А. Нарышкина писала о Марии Мещерской в своей книге «Мои воспоминания», что та была «необычайно красива, дивно сложена, довольно высокого роста, ее черные глаза, глубокие и страстные, придавали ее изящному лицу из ряда вон выходящую прелесть. Звук голоса ее был методичен, и на всем существе ее была наложена печать какого-то загадочно-сдержанного грустного чувства, очень обворожительного».

Поначалу родители без особых опасений наблюдали за этим увлечением. Александр Александрович даже упоминал о своих встречах в письмах к матери – императрице Марии Александровне.

И тут в Ницце случилась трагедия....

В 1864 году всеобщий любимец цесаревич Николай Александрович, второй ребенок в семье императора Александра II и старший из сыновей, отправился за границу, где в день своего рождения 20 сентября был помолвлен с дочерью датского короля Христиана IX принцессой Дагмар. Прин-

цессе было 17 лет, цесаревичу Николаю – 21 год.

Они отправились в путешествие по Италии, во время которого цесаревич внезапно заболел. Болезнь обрушилась на него в октябре 1864 года, а уже к весне 1865-го стало ясно, что близится развязка. Даже император Александр II спешно приехал в Ниццу, где лечился цесаревич. Приехал он 10 апреля, а 12-го числа цесаревич скончался. Поставили диагноз – туберкулезный менингит.

Великая княжна Ольга Николаевна в биографических воспоминаниях «Сон юности» отметила, что эта смерть подорвала здоровье императрицы Марии Александровны, и, несмотря на то что внешне на официальных мероприятиях она держалась твердо, все близкие знали, что «из нее вынули душу».

Вот таким образом и превратился Александр Александрович из великого князя в цесаревича. Ну а уж тут вступал в отношении него совершенно иной закон.

Вскоре произошло объяснение с родителями. Император Александр II и императрица Мария Александровна твердо заявили сыну, что пора прекращать отношения с Марией Мещерской. Но чувства были слишком сильными.

В ту пору с Марией Мещерской очень подружилась дочь Василия Андреевича Жуковского Александра Васильевна.

Фрейлина Елизавета Нарышкина в книге «Мои воспоминания. Под властью трех царей» писала:

«...В свете тогда блистали две звезды, две фрейлины –

княжна Мария Мещерская и Александра Жуковская...»

Александра Жуковская тоже не осталась незамеченной. В нее влюбился младший брат Александра Александровича Алексей, хотя и был на восемь лет ее моложе. Это уже совершенно иная история. Нам же важно отметить, что дочь Жуковского, по словам мемуаристки, «способствовала роману цесаревича Александра и Марии Мещерской».

Нарышкина сообщила в воспоминаниях:

«Поверенной тайн молодых людей была фрейлина Александра Жуковская. Она передавала записки, стояла на часах во время их встреч на прогулках, чтобы, не дай бог, никто из придворных не появился, и выполняла тому подобные мелкие поручения. К тому же Мещерской было с кем поговорить, а Сашке некому было доверить свои сердечные тайны, и он все свои переживания записывал в дневник».

Превращение Александра Александровича в цесаревича и наследника престола произошло в тот момент, когда любовь его к Марии Мещерской была, можно сказать, на пике своем. Он тяготился новой ролью, столь внезапно свалившейся на него. Свои мысли поверял дневнику:

«Каждый день то же самое, было бы невыносимо, если бы не М. ...Я ее не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился, и уверен, что она была бы совершенно согласна».

А вот запись, свидетельствующая о том, что он очень серьезно задумывался о будущем, мечтал о свободе от брачных

обязательств и вовсе не стремился к императорской власти:

«Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможность, жениться на милой М.Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Dagmar, которую не могу любить и не хочу... Может быть, это будет лучше, если я откажусь от престола... Я не хочу другой жены, как М.Э.».

Несмотря на предупреждение родителей, цесаревич продолжал встречаться со своей возлюбленной, которая, впрочем, была не так проста, как казалось на первый взгляд. Пока Александр Александрович был просто великим князем, у нее оставались надежды на брак с ним. Тем более, она знала расположение к ней императрицы. Но когда случилась беда в Ницце, когда Александр Александрович волею судьбы сделался наследником престола, Мария Мещерская поняла, что брак уже невозможен, ведь по законам, существующим с времен петровских, наследники престола женились исключительно на иноземных принцессах.

И все же она сделала последнюю отчаянную попытку. 18 апреля во дворце был бал, на котором цесаревич, несмотря на осуждающие взгляды родителей, танцевал только со своей возлюбленной. И вдруг во время танца Мещерская как бы между прочим сообщила ему, что князь Витгенштейн просит ее руки...

Можно себе представить, как взволновало и огорчило это цесаревича. Что он мог сделать? Родители были непреклон-

ны. Они требовали прекратить встречи. О том же, что встречи продолжаются, императрице стало известно от Владимира Мещерского, кузена Марии. Мало того что он рассказал о встрече. Выкрыв письма цесаревича Александра к своей кузине, он передал их императрице.

Снова произошло бурное объяснение. Теперь уже император Александр II был тверд:

– Встречи прекратить. Тебе надлежит жениться на невесте умершего брата.

– На принцессе Дагмар? Ни за что на свете! – твердо сказал цесаревич, хотя и понимал, что твердость его ничего не значит, поскольку он не имеет права распоряжаться своей судьбой.

А на следующий день Мария Мещерская подарила ему свой автопортрет и фотографию с Сашей Жуковской.

Надпись оказалась более чем красноречивой: «В воспоминание последнего дня в милом Царском».

Последний день в Царском... Почему?

На вопрос об этом Мария ответила:

– Если наши отношения продолжатся, меня вышлют из столицы.

Цесаревич бросился к родителям с просьбой не высылать княжну Мещерскую.

Условие было жестким. От него потребовали согласия на брак с принцессой Дагмар (Дагмарой).

Да и надежд на то, что удастся отказаться от престолона-

следия, не оставалось. Ведь и младший брат Алексей вовсе не горел желанием занять престол. Его роман с дочерью знаменитого поэта Жуковского завершился уже морганатическим браком. Причем Алексей очень надеялся, что родители примут этот брак, ведь он-то не наследник престола. Правда, Синод расторг этот брак.

Уж если великому князю родители не дали жениться по любви, что можно было ожидать цесаревичу? К тому же насторожило поведение самой княжны Мещерской. Цесаревич, который тоже подумывал о морганатическом браке, сделал в своем дневнике такую запись: «А вдруг, когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало».

Между тем до истории этой его любви уже добрались газетчики. В Дании появились публикации о том, что цесаревич противится браку с принцессой Дагмар, потому что переживает страстный роман с княжной Мещерской.

После этих публикаций императрица-мать, Мария Александровна, твердо заявила, что собирается отправить княжну Марию в Париж в сопровождении ее тетки княгини Чернышевой.

– Не надо отправлять. Я готов жениться! – сказал цесаревич.

С помолвкой родители не тянули. Она состоялась уже 17 июня 1866 года, а 28 октября цесаревич венчался с принцессой Дагмар.

Но что же стало с любовью к Мещерской? Ведь она была, казалось, всепобеждающей. Цесаревич позволил себе лишь одну встречу с возлюбленной. Последнюю прощальную встречу, и на этом поставил точку, записав в дневнике строки из стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова «Договор»...

Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

Вскоре княжна Мария Элимовна Мещерская вышла замуж за князя Демидова-Сан-Донато. По любви ли вышла или решилась на брак из-за безвыходной ситуации, сказать трудно, поскольку не довелось ей воспользоваться благами супружества. 26 июля 1868 года Мария Элимовна покинула сей мир. Ей едва исполнилось двадцать четыре года.

Любовь и нравственность русских царей

Если окинуть взором историю любовных и супружеских отношений великих князей, царей и императоров России, то дом Рюриковичей будет выглядеть гораздо более высоко-нравственным, нежели дом Романовых. Такие семьи, как у императоров Николая I, Александра III и Николая II, исключение, а не правило. А вот в доме Рюриковичей все иначе. Там высокая нравственность в браке – правило.

Может быть, кто-то усомнится и скажет: просто сведений до нас не дошло за давностью лет. Еще как дошли сведения, а точнее, сплетни. Но сплетни легко опровергаются, если не заниматься злопыхательством, подобно иным странным особям, взявшим на себя роль судей наших великих предков, а взглянуть пристальным взором на то, что было на самом деле, и обратиться к достойным документам, а не к пасквилям, которых всегда немало сочиняется о сильных мира сего.

Клевета коснулась даже образцовой во всех отношениях семьи великого князя московского Дмитрия Иоанновича, нареченного Донским за блистательную победу на Куликовом поле. В древних летописях о супружестве великого князя Дмитрия Иоанновича и Евдокии Дмитриевны говорится: «Любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь ска-

зять, что двое таких носят в двух телах единую душу и одна у обоих добродетельная жизнь. Так же и Димитрий любил жену, и жили они в целомудрии...»

И далее...

«Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как златоперистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, с умилением смотряся в чистое зеркальце совести».

Александр Нечволодов в «Сказаниях о Русской земле» писал:

«Мы много видели в Древней Руси добродетельных княгинь и счастливых браков, но брак Дмитрия Иоанновича Московского отличался особым благословением Божиим. Юная княгиня Евдокия была совершенно исключительной женщиной по своей необыкновенной набожности, кротости и глубокой привязанности к мужу...

Конечно, брачный союз таких двух людей, скрепленный глубокой любовью, должен быть весьма счастлив, и, разумеется, в этом семейном счастье и черпал Дмитрий свои необыкновенные силы для борьбы с теми неожиданными, сложными и чрезвычайно грозными обстоятельствами, которые сопровождали все его великое княжение.

И недаром Дмитрий Донской, почувствовав приближение своей кончины, строго наказал своим детям быть во всем послушными матери и действовать единодушно во славу Отечества, исполняя материнский наказ и материнскую волю».

Сколько усобиц знала Русь, не сосчитать, но Евдокия Дмитриевна сумела удержать своих сыновей от ссор и раздоров. Они любили ее, верили ей и всегда слушались ее, помня наказ своего великого отца.

О достоинствах великой княгини можно говорить много. Важно одно. Нет разночтений в том, что именно она смогла содействовать укреплению централизованной княжеской власти в трудное для Русской земли время. Вполне естественно, это не нравилось врагам единой и могучей Руси, коих, увы, всегда достаточно на нашей земле.

«Ведя строго подвижническую жизнь, – читаем мы в “Сказаниях о Русской земле”, – Евдокия Дмитриевна, следуя примеру своего мужа, держала это в тайне, а на людях показывалась всегда с веселым лицом, нося богатые одежды, украшенные жемчугом. Конечно, она делала это, чтобы являться в глазах толпы с видом, подобающим высокому званию великой княгини. Однако некоторые злонамеренные люди стали распространять о ней дурные слухи, которые дошли и до одного из ее сыновей – Юрия. Юрий в беспокойстве сообщил о них матери. Тогда Евдокия Дмитриевна созвала детей в молельню и сняла часть своих одежд. Увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами, они ужаснулись, но Евдокия Дмитриевна просила их не говорить об этом никому, а на людские толки о ней советовала не обращать внимания».

То есть совершенно очевидно, что этот семейный союз до-

стоин подражания.

А сколько черноты и ненависти излито злопыхателями на матушку русского царя Иоанна Васильевича Грозного – супругу великого князя Василия III Иоанновича Елену Васильевну Глинскую. Особенно дерзкой и безнравственной клевете подвергнуты годы правления Елены Васильевны, когда она осталась без мужа с двумя малолетними детьми на руках во главе всего государства Московского. В те времена и поползли сплетни, авторами которых стали бояре-крамольники, коих не устраивала централизованная самодержавная власть в России, а развили пасквилы в так называемых исторических опусах, разумеется, как всегда, иноземцы, для которых клевета на Русскую землю была делом привычным. Ну а поскольку многие наши учебники истории в основном состоят из клеветнических мифов иноземцев, о правительнице Елене Васильевне сложилось «мнение как о женщине, позорившей мужнее ложе».

Изучая наследие Иоанна Васильевича Грозного, я обратил внимание, что государь называет в своих трудах Елену Васильевну не иначе как «Моя благочестивая матушка». Подумайте сами, стал бы сын, имея иные факты, как говорят, дразнить гусей постоянным применением эпитета «благочестивая»? Написал бы скорее просто – «матушка». Поиск привел к тому, что удалось найти источник злопыхательства. Первым озвучил сплетню, если, конечно, не придумал ее сам, некий Сигизмунд Герберштейн в своих на-

сквозь лживых «Записках о Московии». В сем, с позволения сказать, труде говорится о том, что Елена Васильевна позорила мужнее ложе с боярином Иваном Федоровичем Овчиной Телепневым Оболенским. В комментариях к «Запискам», выпущенным в 1988 году Издательством Московского университета, указано: «Сведения о том, что И.Ф. Овчина был фаворитом Елены Глинской, содержат лишь «Записки о Московии» Герберштейна, который получил их, скорее всего, от И.В. Ляцкого. По данным официальной летописи, арест И.Ф. Овчины после смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 года – результат «самовольства» князя В.В. Шуйского, недовольного тем, что «его государь великий князь в приближении держал». Согласно сообщению той же Никоновской летописи, «посадиша его в палате за дворцем у конюшни и умориша его голодом и тягостию железной».

То, что боярин Овчина был приближенным государя Василия Третьего, известно. Известно и то, что перед смертью государь просил опекать его малолетнего сына Иоанна до того, как наберет он силы для царствования. Помня об этом, Елена Васильевна дала власть боярину даже в ущерб своего дяди и других бояр.

Елена Глинская.

Антропологическая реконструкция С. Никитина

Александр Нечволодов указал:

«Несомненно, великая княгиня Елена Васильевна, глубоко проникнутая всеми заветами собирателей Русской земли, весьма скоро убедилась, что Михаил Глинский и Шигона Поджогин намерены преследовать свои личные цели и вовсе не будут верными и беззаветными слугами ее маленького сына, как от них требовал того умирающий Василий. Всю свою привязанность и доверие правительница перенесла на мамку маленького великого князя – Аграфену Челяднину и на ее брата Ивана Овчину Телепнева Оболенского. Аграфена Челяднина с братом были вполне искренно привязаны к своему Государю и его матери, причем князь Иван Оболенский обладал при этом чрезвычайно твердой волей и большими воинскими дарованиями».

Крамольным боярством двигали зависть и страсть к обогащению за счет государства, которое осталось после смерти Василия Третьего на трехлетнем царе Иоанне. Это было время, когда удельные князья и большие бояре несколько изменились по сравнению с тем, что представляли собой их предки, служившие великим князьям Московским в годы борьбы со страшным ордынским игом. Тогда стоял вопрос о том, быть или не быть Московскому княжеству. И боярство на время оставило мечты об утолении «многомятежных чело-

веческих хотений», думая о том, как уцелеть. Но вот иго было сломлено, а великие князья Московские, потомки победителя Мамаея Дмитрия Донского, стали постепенно превращаться в полновластных самодержавных государей, сосредоточивающих в своих руках власть над всею Русской землей. При Дмитрии Донском в Москву тянулись для того, чтобы собраться с силами и отстоять Русь от орды. Теперь, когда страшная опасность, по их мнению, миновала, они стали с ревностью относиться к тому, что полную власть над Русской землей получили потомки Дмитрия Донского, что изменилась сама структура власти, что они лишились возможности беспредельничать в своих вотчинах, жестоко эксплуатируя народ. Они очень надеялись, что, пользуясь малолетством Иоанна Васильевича и правлением слабой женщины, смогут хорошо поживиться и вновь обрести былую власть, урвав себе хорошие куски. Но Елена Васильевна показала себя правительницей строгой и твердой, что и взбесило жадных до добычи крамольников, иные из которых даже продались иноземцам, чтобы вместе пограбить на Руси.

Елена Васильевна Глинская была отравлена и оклеветана, однако хотя бы малейших документальных фактов о ее неблагочестии просто не существует в природе, ссылка же на некоего Ляцкого, который якобы рассказал о том Герберштейну, доказательством не является. Мало ли кто и кому мог что-то рассказать. Этим сплетням противостоит утверждение самого государя Иоанна Васильевича Грозного, что

матушка его была благочестива. Справедливее верить сыну, нежели какому-то сплетнику.

Порядок жизни при Иоанне Грозном определялся Домостроем – своеобразной энциклопедией морали того времени. Высота положения женщины в ту пору была необыкновенной, а тем более женщины достойной.

Такой достойной женщиной оказалась невеста молодого Царя Иоанна Васильевича. В «Сказаниях о Русской земле» Александр Нечволодов писал о ней:

«Выбор Государя оказался чрезвычайно удачным: помимо большой красоты, юная Царица отличалась замечательной сердечной добротой, умом и большой привязанностью к своему супругу.

После свадьбы молодая чета, прервав пиры, отправилась пешком, несмотря на суровую зиму, в Троице-Сергиеву лавру и провела там первую неделю Великого поста, усердно молясь над гробом Святого Сергия. Иоанн горячо полюбил свою молодую жену...»

Анастасия Романовна Захарьина была родной сестрой Никиты Романовича Захарьина. Сын Никиты Романовича стал патриархом Филаретом и фактически явился основателем династии Романовых, ибо его сын Михаил Федорович был избран на царство Московским земско-поместным Собором в феврале 1613 года. Основателем же рода Романовых считается Андрей Кобыла, который ведет свой род от рода древнейшего прусского жреца и вождя Видвунга.

В книге В. Ярчака говорится, что «по легендам, священная дубовая роща Видвунга находилась где-то в центре нынешней Калининградской области».

Евгений Поселянин (Евгений Николаевич Погожев) писал об Анастасии:

«В Царице Анастасии Романовне были соединены все лучшие качества древнерусской женщины – глубокая вера, чудная скромность и целомудрие, душевная мягкость общения, глубокая привязанность, трогательная сострадательность, высокое настроение души. Анастасия Романовна принадлежала к числу тех редких женщин, в присутствии которых человек чище и лучше становится».

Семейное счастье царя продолжалось недолго, всего 13 лет, то есть вплоть до внезапной смерти Анастасии летом 1560 года.

Слуги темных сил Запада твердят, что после смерти царь переменялся и стал крайне жестоким. Ой ли?! Ведь было раскрыто, что отравила царицу Анастасию сожительница Адашева, зверополячка... И что же? Иоанн Грозный ведь не посадил на кол Адашева. Он просто выслал его из Москвы, причем не только за организацию отравления, но за измену, за приверженность интересам врагов Московского государства.

Иоанн Васильевич действительно очень любил свою первую супругу царицу Анастасию, души в ней не чаял, действительно очень переживал ее гибель. Но он не пошел на

месть как человек, прекрасно знавший законы православия. В конце концов, все убийцы получили свое, но получили по высшему промыслу. И это не единственный пример – мы еще будем иметь возможность убедиться, что ничего не происходит бесследно, в повествовании, посвященном любовным драмам императора Павла Петровича.

Сколько раз он восклицал в своих посланиях изменнику Курбскому во время переписки: «Зачем мою юну убили?!» Он знал, что и Курбский причастен к убийству.

Вот строки из Второго послания...

«А с женою моею зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моею юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты, – так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству, и уже не вспомню, как меня отец благословил на Государство, – на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он – сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господины

уморили отца его в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его и его мать освободил и держал их в чести и в благоденствии; а он уже от всего этого отвык. И я такие оскорбления стерпеть не смог – и стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще решительнее начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле – и как же вы из-за этого надругались над святыней господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите».

В последние годы было немало споров по поводу канонизации царя Иоанна Васильевича Грозного. То, что он канонизирован еще в XVII веке царем Михаилом Федоровичем и его отцом патриархом Филаретом Никитичем, намеренно забыто. Но сейчас не о том речь. Противники канонизации придумали, что у царя Иоанна Васильевича было семь жен и что он был лишен права причастия как многоженец. Лицемерие изуверское. Потомки и духовные последователи тех, кто регулярно травил жен и детей государя, теперь обвинят его в том, к чему принуждали преступлениями, ведь царю приходилось жениться вовсе не прихоти ради. Прося разрешение на четвертый свой брак (четвертый, а не седьмой), он вопрошал: «Как же можно иметь наследника престола, если нет жены?»

В. Манягин сообщает в книге, что царь Иоанн писал о причинах смерти не только царицы Анастасии, но и других своих жен в прошении на имя Освященного Собора с просьбой разрешить ему четвертый брак:

«...И отравами Царицу Анастасию изведоша», о царице же Марии Темрюковне: «...И такоже вражиим злокозньством отравлена бысть», а о Марфе Васильевне: «...И тако ей отраву злую учиниша... толико быша с ним Царица Марфа две недели и преставися, понеже девства не разрешил третьего брака».

Чтобы разобраться в щекотливом вопросе, касающемся жен царя, обратимся вновь к книге «Царь всея Руси Иоанн IV Грозный», вышедшей под редакцией священника Серафима Николаева. Мы уже упоминали о том, что молодой царь был обвенчан с Анастасией Романовой. Ее отравили коварные изуверы из числа бояр, коих теперь мы бы по праву назвали агентами влияния Запада. Любимую супругу Иоанна Грозного Анастасию отравила по наущению Адашева польская его сожительница.

В книге говорится о последующих браках так:

«Брак с Марией Темрюковной имел исключительно политическую цель – присоединение Кавказа и защиту южных рубежей России; и через семь лет после его заключения Царь Иоанн с любовью вспоминал Царицу Анастасию и в память ее посылал богатые вклады в Афонские монастыри. Мария умерла в 1569 году... Через два года с целью продолжения

рода (у сыновей Царя Иоанна Грозного наследников не было всю их недолгую жизнь; дети если рождались, то мертвыми или жили несколько дней, как мы сейчас знаем, из-за регулярного отравления царевичей ядом), в 1571 году Государь выбрал себе в жены Марфу Собакину, дочь новгородского купца, но она, будучи отравлена, скончалась, не прожив и месяца. Тогда он женился в начале 1572 года на Анне Колтовской. Для объяснения своего поступка он собрал духовенство и слезно просил дать ему прощение. Он объяснял, что первые три жены были изведены и отравлены врагами и что после кончины Марфы Собакиной он много скорбел и хотел постричься, но в силу государственной необходимости и для воспитания малолетних детей дерзнул вступить в четвертый брак.

Духовенство решило: ввиду теплого умиления и раскаяния Царя разрешить ему этот брак, но наложить епитимию: не входить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, но стоять с припадающими, затем стоять год с верными и только после этого, на следующую Пасху, причаститься святых Тайн. Государь прожил с царицей Анной Колтовской три года. Детей от этого брака не было, после чего Царица ушла в монастырь... Скорее всего, жен было три или четыре, остальные же явились плодом слухов и придворных сплетен».

Иоанн Ладожский по этому поводу писал:

«Сомнительно выглядят сообщения о семи женах Царя

и его необузданном сладострастии, обрастающие в зависимости от фантазии сочинителей самыми невероятными подробностями». Враги Царя Иоанна Грозного, в основном из современных жидовствующих, раздувают из мухи слона, приводя свои аргументы о женах в качестве главных доказательств его безблагодатности и порочности. На самом деле эта история не стоит выеденного яйца, если вспомнить слова Апостола Павла: «Остался ли без жены? Не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль...» (1 Кор. 7, 27–28). В примечании указано: «Апостол Павел также писал, что жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти за кого хочет, только в Господе (1 Кор. 7, 39), тем более муж, не связанный законом, свободен (а в некоторых случаях даже обязан) жениться на христианке».

Далее читаем: «50-е правило Святого Василия Великого гласит: на троебрачие (и последующие браки) нет закона; по сему третий брак (и последующие) не составляется по закону... но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшее нежели распутное любодеяние». Отсюда вывод: «Все браки Царя были благословлены церковью ввиду их государственного значения, включая последний брак. В противном случае Царевич Дмитрий считался бы незаконнорожденным, что было бы несомненным препятствием к его канонизации».

Как видим, отравители действовали нагло и бесстыдно, не щадя ни жен, ни детей царя, в том числе и младенцев.

Но кто же стоял за отравителями? Теперь уже ясно, что это были темные силы Запада, те силы, которые подослали убийц к Андрею Боголюбскому в 1174 году, те силы, которые организовали убийство императора Павла Первого в 1801 году. Интересный факт сообщается в уже упомянутой нами книге «Царь Всея Руси Иоанн Грозный». Летом 1581 года королева Елизавета английская (обратим внимание, королева английская – об этом вспомним в соответствующей главе. – *Н.Ш.*) прислала царю Иоанну Васильевичу своего врача Роберта Якоби, сопроводив этот «дар» письмом такого содержания: «Мужа искуснейшего в исцелении болезней уступаю тебе, моему брату кровному, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело верить ему свое здравие. Посылаю с ним, в угодность твою, аптекарей и цирюльников, волей и неволей, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях». Какая трогательная забота! Подумать только. В книге далее читаем: «Через три года Царь Иоанн Васильевич Грозный умрет от неизвестной болезни, как впоследствии выяснится, от очень медленного, в течение нескольких лет, отравления ртутью, принимаемой в пищу и лекарствами».

Это все было не случайно. Когда враги России убедились, что царь Иоанн Грозный не свернет с самодержавного пути, что не отступится от веры православной, что будет продол-

жать походы с целью приобретения побережья Балтийского моря, они все сделали для его устранения. В ту эпоху врачи были подлинными убийцами, а слово «врач» скорее ассоциировалось со словом «врать». Исцеляли же старцы и святые отцы по молитвам, покаянию и причастию. Ведь главная причина болезней все-таки духовная, и недаром церковь православная учит, что болезни нам даются за грехи.

Грозный царь был отравлен, потому что созидал могучую державу, страшную для врагов Христовых. «Обозрев историю Царя Иоанна Васильевича Грозного, – писал Иван Нехачин в книге «Новое ядро Российской истории», – можно сказать, что сим великим Государем совсем новая начинается эпоха могущества Российского государства. Он своею храбростью и благоразумием превосходил всех своих предков... Был Государь всегда справедливый, мужественный, остроумный, храбрый, щедрый, о политическом просвещении и благополучии народа весьма старательный... Царь Иоанн Васильевич был отменно усерден в вере, ревнителен к Церкви...»

За верность православию он был оклеветан и отравлен. Кто же автор клеветы на Ивана Грозного? Имена этого сочинителя и его последователей известны. Их вымыслы – лишь звенья в цепи лживых измышлений о нашем великом прошлом. Митрополит Иоанн Ладожский считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений исторической науки оказали свидетельства иностран-

цев».

Клевета на государей дома Рюриковичей была избирательной. Клеветали на тех, кто тревожил мерзкие силы Запада, обеспокоенные укреплением Руси. Ведь слабая Русь являлась хорошим источником для обогащения путем грабежей.

Избежали клеветы по поводу любвеобильности и первые Романовы, поскольку зацепиться было не за что.

Любовные драмы императоров России

Из всех государей дома Романовых в имперский период, или, как его иногда называют, «Петербургский период» истории, разве только Петр, а точнее, тот, который известен нам как император Петр I, избежал клеветы в силу своей прозападнической антирусской политики. Ну, право, как же мог Запад организовывать нападки на того, кто физически уничтожал массы русских людей, причем людей, наиболее достойных. Взять хотя бы жесточайшую, изуверскую казнь стрельцов.

Ну а любовные «драмы» Петра никого не волновали. К примеру, поищите в прозападных исторических трудах хотя бы намек на критику царя за его непонятное распоряжение о ссылке супруги Евдокии Лопухиной в монастырь? Распоряжение отдано во время пути царя в Россию после почти двухгодичного путешествия по Европе. Это было настоящее заточение. И за что? Просто так, вот решил заточить и заточил. Лишь теперь начинает все чаще проскальзывать информация о том, что возвращался в Россию вовсе не Петр Алексеевич, отправившийся в Европу на несколько недель, а вернувшийся оттуда спустя почти два года, причем вернувшийся подростком на два вершка – около 10 сантиметров. И что

удивительно, из всех вельмож, что сопровождали царя в той поездке, возвратился лишь Меншиков. Остальные погибли при странных обстоятельствах. Возвратившийся царь с первых же дней занялся садистскими пытками и умерщвлениями – именно умерщвлениями, а не казнями – стрельцов. Воинам, преданным России, но усомнившимся в принадлежности к русскому миру возвращающегося царя, рубили и отпиливали головы, их колесовали, поджаривали на огне и т. д.

Сам же царь путался в дворцовых коридорах, не узнавал своих подданных, с которыми коротко общался перед отъездом в Европу, ну а что касается нашей темы, то тут имеется богатейший материал.

Любвеобильность царя превосходила все приличия и пределы. Царь вместо законной супруги, с которой был венчан, притащил к себе девку из обоза Марту Самуиловну Скавронскую, ублажавшую сначала солдат, затем фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева, в обозе которого царь и увидел ее. Ну а увидев, забрал себе. Но и этого мало, он не пропускал ни одной женщины, понравившейся ему. Немало историй известно, да вот только их практически не замечают те, кто полагает великими лишь правителей, вредивших России.

Трудно сказать, известна ли была вся правда о Петре императору Николаю II, но он отрицательно относился к «царю-плотнику-преобразователю».

А.А. Мосолов в книге «При дворе последнего императо-

ра» вспоминал:

«Сознаюсь, что за все 16 лет службы при дворе мне всего лишь дважды довелось говорить с государем о политике. Впервые это было по случаю двухсотлетия основания Петербурга. Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях Петра Великого. Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

— <...> признаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично.

Из дальнейшего разговора мне показалось, что кроме сказанного государь ставит в укор Петру и некоторую показную сторону его действий и долю в них авантюризма».

По поводу царя Петра существует немало доказательных фактов, но они остаются незамеченными. Как не обращают особого внимания, с позволения сказать, историки на поведение императрицы Анны Иоанновны и на ее отношения с Бироном. А вот императрица Елизавета Петровна без всяких доказательств обвиняется в разврате, хотя она была ве-

рующей, набожной и связь с Алексеем Разумовским сочла необходимым узаконить путем венчания в Москве, в церкви села Перово.

Но все кому не лень называют в числе фаворитов Елизаветы Петровны и брата Алексея Разумовского Кирилла, и братьев Шуваловых, и многих других. Причем называют их фаворитами с нарочитыми и прозрачными намеками на то, что это не просто фавориты, а любовники.

Почему же императрица Елизавета Петровна подверглась критики, таким наветам и клеветническим нападкам? Ответ прост. Он содержится в значительной степени в том, что писали о ней иностранные послы. Так, французский дипломат Лафермлер писал: «Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим. По-видимому, она исключительно, почти до фанатизма любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение».

Ну а те, кто любит русский народ, те, кто действует во имя России, всегда подвергались и подвергаются самой необузданной клевете. И за примером далеко ходить не надо. Иоанн Грозный, значительно расширивший пределы России, добившийся увеличения численности населения, назван тираном, а Петр I, сокративший численность населения от одной трети до сорока процентов, наименован великим.

А ведь если и можно говорить о любовных приключениях в доме Романовых, если можно говорить о вольном поведении в этом вопросе, то уж обязательно надо бы сказать, что

толчок такому положению дал именно Петр.

Не будем касаться подробно наветов, которым подвергалась императрица Екатерина Великая. В ее судьбе действительно были любовные увлечения. Но уж так сложилась судьба. Недаром она в «Чистосердечной исповеди», адресованной Потемкину в феврале 1774 года, в период их сближения, призналась: «Если бы смолоду получила мужа, которого любить могла, век бы к нему не переменилась». О ее любовных драмах я подробно рассказал в книге «Екатерина Великая в любви и супружестве», вышедшей в серии «Любовные драмы». Но не могу не привести пример – он есть в книге, – до каких пределов доходила безудержная клевета...

Первое обвинение, которое предъявляли Екатерине, заключалось в ее развратном поведении в период до встречи с Потемкиным.

К сожалению, даже Валентин Пикуль поймался на удочку пасквилянтов и, «художественно» развивая клевету, наваял в романе «Фаворит» такую сцену...

«Сдаваясь без боя, женщина однажды не вытерпела и, потупив глаза, как стыдливая девочка, сказала, что снова ночует на пустой елагинской даче:

– Навести меня, одинокую вдову...

Как бы не так! Потемкин переслал ей через Елагина записку: «У тебя, матушка, перебывало уже пятнадцать кобелей, а мне честь дороже, и шестнадцатым быть никак не желаю».

Кто читал роман, наверняка помнит исполненную историзма сноску: мол, это письмо было известно среди современников. Архив ЧБС (чья-баба сказала)? Очень похоже, что так.

Интересно, это что же, государыня сама распространила такое письмо в светском обществе, чтобы оно стало известно современникам?

Не было подобного письма, да его и не могло быть в природе, потому что, во-первых, Григорий Александрович Потемкин был человеком высочайшей культуры и никогда бы не позволил такого хамского обращения к женщине вообще, а тем более к императрице, которую, кстати, искренне уважал с первых лет знакомства; во-вторых, ни одна настоящая, уважающая себя женщина не стерпела бы такого оскорбления, да к тому же еще и незаслуженного – в «Чистосердечной исповеди» она откровенно и честно рассказала, с кем и по какой причине имела любовные связи.

Она написала, что не пятнадцать, а третья доля от сих! Даже такое написать женщине нелегко. Но она писала своему избраннику, причем, как показало время, действительно избраннику всей ее жизни.

Интересно, что свидетельство современника, причем иностранца, дошедшее до нас, тоже опровергает ложь о якобы пятнадцати любовниках.

В 1770–1772 гг. французский дипломат Оноре-Огюст Сабатье де Кабр был поверенным в делах при дворе импера-

трицы Екатерины Второй.

Екатерина II.

В своем донесении в Париж он писал о государыне:

«Не будучи безупречной, она далека в то же время от излишеств, в которых ее обвиняют. Никто не мог доказать, что у нее была с кем-нибудь связь, кроме трех всем известных случаев: с Салтыковым, с польским королем и с графом Орловым».

Сабатье де Кабр не назвал Васильчикова, потому что, вероятнее всего, просто не застал его, ведь он был в России до 1772 года.

Фраза «никто не мог доказать» говорит о многом. Да, все, что выдумывали о связях Екатерины, на проверку оказалось клеветой.

Ну а теперь остановимся на обвинении в фаворитизме после 1776 года. В 1774–1776 годах рядом с императрицей был Потемкин – тут разночтений нет.

Ну а далее... Каких только гадостей не навывдумывали. Иные авторы, забыв о чести и совести, со знанием дела списки фаворитов составляли.

Не будем разбирать эти списки – противно. Однако навскидку проверим хотя бы один факт. Возьмем так называемого фаворита, наиболее известного своим именем. Вот что говорится о нем в Интернете.

Начало таково:

«Правление Екатерины II было омрачено не только мно-

гочисленными социальными проблемами в стране, но и тем фактом, что фаворитизм достиг невиданных до этого времени масштабов».

Ну а далее приводится длинный список, неведомо кем составленный, а финал великолепен!

Несколько слов в заключение.

Фавориты Екатерины II, бывшие в основном адъютантами Светлейшего князя Потемкина, стали сменять один другого. Некоторые из них, наподобие будущего героя Отечественной войны Алексея Петровича Ермолова, получили известность и народную любовь...»

Ну и еще один перл, для закрепления:

«Фавориты Екатерины II, получившие наибольшую известность: Алексей Петрович Ермолов (будущий герой войны с Наполеоном), Григорий Александрович Потемкин (великий государственный деятель той эпохи) и Платон Зубов, последний фаворит Императрицы...»

Ну и, конечно, указаны годы, когда Ермолов состоял в фаворитах. Это 1783–1786 годы.

Что ж, характерный образчик клеветы. Алексей Петрович действительно стал героем Отечественной войны 1812 года. Да и не только этим он знаменит. Немало подвигов на его счету.

Ну а первый «подвиг», если верить клеветникам государыни, он совершил в 6 лет от роду. И совершал его на протяжении трех лет, то есть пока ему не исполнилось 9 лет. Да,

да... Герой Отечественной войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов родился в 1777 году и ко времени, указанному пасквилянтами, ему исполнилось шесть лет.

Можно было бы еще разобрать ложь о Милорадовиче и других, да только зачем занимать внимание читателей этакой дребеденью.

Часто любители сплетен и хулы на великих деятелей прошлого любят, когда им это выгодно, требовать, к примеру, а вот докажите, что Иоанн Грозный сына не убивал? Но ведь сначала следовало бы доказать, что государь своего сына убил. А таковых доказательств в природе нет. Есть выдумки папского шпиона Антонио Поссевино, секретаря генерала ордена Общества Иисуса, папского легата в Восточной Европе и первого иезуита.

Клевета была подхвачена шпионом германского императора Генрихом Штаденем, а спустя годы растиражирована некоторыми недобросовестными русскими историками «по свистку из-за бугра».

Точно так же и здесь. Ни одного документального свидетельства о том, что некоторые генерал-адъютанты императрицы Екатерины II были ее любовниками, нет. Так и говорить не о чем. Мы не можем утверждать, что ничего не было. Да ведь то, что было, это дело самой государыни...

То же самое можно сказать и о других всевозможных пасквилях.

Возьмем сплетню об истопнике, превращенном в постели

Государыни в графа Теплова.

В течение двадцати лет занимаясь исследованием золотого века Екатерины, опровергая сплетни, домыслы и клеветы, я так и не добился от своих оппонентов хотя бы одного достоверного документа, подтверждающего их сладострастные выдумки. Понятно, что пасквилянты, а все они в большинстве своем обличьем своим напоминали особей мужского рода, именно потому с таким сладострастием заглядывают под чужое одеяло, что сами им в силу определенных патологий под одеялом собственным делать нечего.

Что касается клеветнических нападок на императора Павла I, то они относились в основном к его государственным деяниям, его поведению, его характеру. На «материю любви» у пасквилянтов просто, видимо, сил не хватило. Да ведь и было-то не так уж много зацепок.

Известно, что в молодости у Павла Петровича был роман с некоей Софьей Ушаковой, причем от этого романа родился сын, которому дали имя Симеон Афанасьевич Великий, причем был этот Симеон, старший из сыновей Павла, как две капли воды похож на старшего сына, рожденного уже в браке с Марией Федоровной, Александра Павловича. Об этом я подробно рассказал в книге «Любовные драмы у трона Романовых».

Были романы и в бытность Павла Петровича императором. Особенно любопытен роман с необыкновенной красавицей.

вицей Анной Лопухиной в 1798 году. Николай Александрович Саблуков рассказал о развязке этого романа:

«Для нее было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог легко пройти из «Розового павильона», не будучи никем замеченным. Он являлся туда каждый вечер, как он вначале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения; но брадобрей и Лопухин-отец лучше знали человеческую натуру и вернее смотрели на будущее. Им постепенно удалось разжечь чувства Павла к девушке путем упорного ее сопротивления желаниям Его Величества, что, впрочем, она и делала вполне искренно, так как, будучи еще в Москве, она испытала довольно серьезную привязанность к князю Гагарину (Павел Гаврилович Гагарин (1777–1850), впоследствии генерал-адъютант, а позднее директор инспекторского департамента. – *Ред.*), служившему майором в армии и находившемуся в Италии, в войсках Суворова. Однажды, в один из вечеров, когда Павел оказался более предприимчивым, чем обыкновенно, Лопухина неожиданно разрыдалась, прося оставить ее, и призналась государю в своей любви к Гагарину».

Что можно было ожидать от отвергнутого влюбленного? Каких только примеров нам не дает история, сколько романов написано на Западе, в которых отвергнутые короли, бароны, герцоги расправлялись с неподдающимися их власти возлюбленными. Но Павел Петрович был православным русским Государем, был человеком чести, долга и достоинства,

что доказал и в сложившейся ситуации. Обратимся снова к тому, что рассказал Н.А. Саблуков:

«Император был поражен, но его врожденное благородство тотчас проявило себя. Он немедленно же решил отказаться от любви к девушке, сохранив за собою только чувство дружбы, и тут же захотел выдать ее замуж за человека, к которому она питала такую горячую любовь. Суворову немедленно посланы были приказания вернуть в Россию князя Гагарина. В это самое время последний только что отличился в каком-то сражении, и его потому отправили в Петербург с известием об одержанной победе.

Я находился во дворце, когда князь Гагарин прибыл ко двору, и вынес о нем впечатление как об очень красивом, хотя и невысокого роста, человеке. Император тотчас же наградил его орденом, сам привел к его возлюбленной и в течение всего этого дня был искренне доволен и преисполнен гордости от сознания своего действительно геройского самопожертвования.

И вечером на “маленьком дворцовом балу” он имел положительно счастливый и довольный вид, с восторгом говорил о своем красивом и счастливом сопернике и представил его многим из нас с видом искреннего добродушия. Со своей стороны, я лично ни на минуту не сомневался в искренности Павла, благородная душа которого одержала победу над сердечным влечением».

Широко известна любвеобильность императора, которого

мы знаем под именем Александра I, а на самом деле являющегося тем самым внебрачным сыном Павла Петровича – Симеоном Афанасьевичем Великим.

А вот другой сын Павла – четвертый по существу, но третий по старшинству среди рожденных в браке – Николай Павлович, вступивший на престол в суровые для России дни декабря 1825 года, был примерным семьянином. Этого не скажешь о сыне императора Николая I Александре Николаевиче, любовные приключения и драмы которого начались в ранней юности и продолжались вплоть до последних лет жизни и царствования. Но о нем разговор особый. Ему будет посвящена очередная книга серии «Любовные драмы», приуроченная к 200-летию со дня рождения императора Александра II.

Таким образом, можно сказать, что среди государей дома Романовых далеко не все были примерными семьянинами. Мы не вправе вообще судить наших предков, тем паче государей, ибо, если взять за основу заповедь «не суди, да не судим будешь», любое осуждение греховно.

Святитель Дмитрий Ростовский прямо указывал, что хула на царя – Помазанника Божьего – есть хула на Господа. Напомним что он писал: «Как человек по душе своей есть образ и подобие Божье, так и Христос Господень Помазанник Божий, по своему Царскому сану есть образ и подобие Христа Господа. Христос Господь первенствует на Небесах,

в Церкви торжествующей, Христос же Господень по благодати и милости Христа Небесного предводительствует на Земле, в Церкви Воинствующей».

А потому прикасаться к личной жизни государей необходимо с особыми осторожностью и тактом. Тем более, очень многим поступкам, которые обычно подвергаются осуждению теми, кто, по словам Чичагова, не может похвастаться своим благочестием, есть вполне понятные объяснения.

Русские государи после Петра I не имели права выбора себе невесты, подобно тому, как выбирали свои вторые половинки их предшественники. Это накладывало особый отпечаток.

Ведь даже императрице Елизавете Петровне была уготована подобная же участь. Ей назначили в женихи епископа Карла Любского. Даже обручение прошло. Но жених умер. Других достойных кандидатов никак не могли подобрать. И тогда она сама сделала выбор, но она не имела права заключить официальный брак, да и претендент ее не мог иметь никаких прав на то, чтобы стать с нею на один уровень иерархии. Это ведь только один Петр позволял себе и создавать нелепые законы и не выполнять их, если касались его лично, но шли в разрез с его личными желаниями.

Введенное Петром I правило, по которому наследники престола обязаны были брать себе в жены зарубежных принцесс прежде всего из земель немецких, почитателями Петра

выставляется как высшее благо для России и как мудрость преобразователя.

На деле же все получается несколько иначе. Посмотрите, ведь ни одну из супругов императоров России послепетровского периода не убили и не отравили. Покушались на императрицу Екатерину Великую, но не как на супругу императора, а именно как на государыню. Ну а что мы видим в доме Рюриковичей? Пытались известить Софию Палеолог, супругу Иоанна III, отравили Елену Васильевну Глинскую, правда, отравили, когда ее супруг уже был отправлен отравителями в мир иной и она держала Московию в твердых руках. Отравили любимую жену Иоанна Грозного, «мою юну», как он с любовью писал о ней, а затем травили всех, кого царь пытался взять в жены, чтобы упрочить престолонаследие.

В. Манько в книге «Брачные союзы дома Романовых» пишет:

«Петр I Алексеевич, укрепляя международный авторитет растущего государства, стремился к установлению близких связей своего царствующего дома с правящими династиями европейских стран, и в частности с владетельными фамилиями германских земель. Великий преобразователь эту линию проводил целенаправленно и активно».

Ну и приводятся примеры:

«Свою идею русский монарх начал осуществлять с собственного сына Алексея: 11 октября 1711 года в саксонском городе Торгау состоялась свадьба царевича с немецкой прин-

цессой Софией-Христиной-Шарлоттой Брауншвейг-Вольфенбюттельской, внучкой герцога Брауншвейгского. Свою старшую дочь, цесаревну Анну, Петр I отдал за герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского и намеревался сосватать младшую дочь, цесаревну Елизавету, за наследника французского престола. Племянница императора, дочь его старшего брата Иоанна царевна Анна, по инициативе Петра I была сосватана за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма, племянника прусского короля».

Установление близких связей? В том ли причина? Мы увидим, насколько призрачны надежды на то, что подобные связи как-то повлияют на отношения между странами. Нет, тут задача была иная. Женить русских государей на немецких принцессах было необходимо для того, чтобы держать в узде Русскую землю. Другое дело, что темные силы Запада всегда были, по определению Пушкина, невежественны в отношении России, а потому ничего у них не выходило. Широта, простор, глубинная мощь России ломали планы. Принцессы быстро становились поистине русскими. Кроме того, они безусловно понимали, что всякое содействие Западу в конце концов обернется против их же детей, а потому становились патриотками России. Мы еще убедимся в этом на примере семьи императора Николая II.

Пока же обратим внимание лишь на один важнейший момент. Не всегда выбор родителей совпадал с желаниями цесаревичей и великих князей. Другое дело, что члены цар-

ствующего дома покорно принимали волю родителей и законы страны. Но известно немало любовных драм, вызванных этими вот обязаловками. Ведь и несчастный брак будущей императрицы Екатерины Великой тому пример, и супружество ее внука Константина Павловича, и многие другие.

Поэтому государи не только не заслуживают осуждения – они скорее достойны всяческого сочувствия.

Вернемся к судьбе великого князя Александра Александровича – сына императора Александра II и будущего отца будущего императора Николая II. В результате внезапной смерти старшего брата он стал цесаревичем. Очень сомнительно, что он мог бы устроить свое счастье с княгиней Мещерской, даже оставаясь великим князем. Ведь его младшему брату не позволили построить семью с Александрой Васильевной Жуковской. И все же надежда была... Ну а у цесаревича жениться не на иностранной принцессе не было ни единого шанса.

Тут есть еще одна тайна, которая объясняет резкое неприятие Александра Александровича женитьбы на принцессе Дагмаре.

Как-то осталось за кадром, что помолвка цесаревича Николая Александровича с принцессой и их путешествие не прошли даром. Красавец цесаревич сильно тронул сердце принцессы. Ну и... Есть серьезные основания полагать, что она оказалась, как говорят, в интересном положении.

Все произошло стремительно. Принцесса оставалась без жениха, да в таком положении! Что делать? Конечно, императорская чета чувствовала свою ответственность, конечно, было понятно, что принцесса оказывалась опозоренной.

Ну и началось давление на сына. А он в каком положении?! Жениться и сразу получить сына своего старшего брата в наследники престола? Как уж там решался вопрос, сказать трудно, но решился он, видимо, не без твердого условия самого цесаревича. Наследником престола должен быть его собственный сын. Ну а судьба сына умершего цесаревича Николая Александровича и его невесты – будущей супруги Александра Александровича малоизвестна. Существует предание, что он жил под именем графа Крымова. Что ж, история уже знала Симеона Великого, который обратился волею темных сил в императора России.

Разумеется, эту историю попытались скрыть, причем небезуспешно. Она редко всплывает в литературе, а между тем, если бы история имела сослагательные наклонения, то, представьте, что было бы, если бы Россией правил не Александр Александрович, а Николай Александрович? Тогда бы он стал Николаем II, и, как знать, каким путем развивались события?

Оставим за кадром приведенную выше историю. Она достаточно хорошо изложена в работах исследователя тайной истории царской семьи Сергея Жиленкова, выпустившего

ряд книг на эту тему, впрочем, оставшихся незамеченными.

Дочь датского короля Мария-София-Фредерика-Дагмар осталась одна, потеряв жениха, к которому уже успела привязаться. Существует предание, что в последние минуты или, может, часы своей жизни сын императора Александра II Николай Александрович взял за руки своего любимого брата Александра и свою невесту, которую звал, так как звали ее в семье – Минни – и соединил руки.

Александр очень сильно переживал смерть любимого брата. В дневнике он записал:

«Плакал, как ребенок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более на земле и которого никто на свете мне заменить не может, не только теперь, но в будущем. С ним я разделял и радость, и веселье, от него ничего не скрывал и уверен, что и он от меня ничего не скрывал. Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Dagmar».

Но сердце все еще было занято княгиней Марией Мещерской, а потому мысли о Дагмаре были мимолетными, навязанными тяжелыми переживаниями.

Да и сама Дагмара, несмотря на свое весьма затруднительное положение, не спешила давать свое принципиальное согласие, когда слышала о замыслах родителей – своих и ушедшего жениха. Умом понимала, что любимого не вернешь, да сердце не хотело забывать его.

Принцесса Дагмар

Одним словом, и Александр не очень-то хотел выполнять молчаливый завет брата, и невеста поначалу противилась ему.

О состоянии Александра Александровича, о его раздумьях говорят записи в дневнике:

«...Будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, мне страшно надоедает все, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены, кроме как М.Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей...»

Между тем давление родителей не прекращалось. Поначалу оно было умеренным. Цесаревича убеждали в необходимости женитьбы. Но в конце концов государь-отец не выдержал. При очередном разговоре он встал, и уже твердо, с нотками гнева заявил:

– Русский государь не принадлежит себе и не имеет права на «хочу» или «не хочу». Ты забываешь о своем долге! Я надеялся, что ты поймешь меня, и говорил с тобой как с другом. Но ты вынуждаешь говорить с тобой как с подданным своего государя. А потому повелеваю тебе ехать в Данию. А княжну Мещерскую придется выслать из столицы.

Воля родителей священна. И Александр Александрович, волею судьбы превратившийся в наследника престола, вы-

нужден был отправиться в Копенгаген, чтобы сделать официальное предложение.

Встреча оказалась суховатой. К душевному неприятию спешного замужества прибавлялось и то, что до Дагмары доходили слухи о горячей любви цесаревича к княгине Мещерской. Ну что же это за жених, сердце которого принадлежит другой?

Поначалу встречи были прохладны. Но вдруг, словно чудо произошло, молодые люди почувствовали расположение, а затем и влечение друг к другу. И неудивительно – принцесса была не только красива, но и умна, начитана, умела вести беседу. С нею было интересно. Ну а уж русский богатырь Александр Николаевич не мог не растопить женского сердца.

Десять дней цесаревич пробыл в столице Дании, а когда настала пора уезжать, почувствовал, что по-настоящему полюбил Дагмару. Произошло объяснение. Она призналась в том, что чувства его далеко не безответны.

А спустя три месяца принцесса приехала в Петербург, состоялись обручение и православное крещение, по которому невеста наследника престола стала Марией Федоровной.

Это была необыкновенная женщина. Императрица не гнушалась хозяйственных дел. В воспоминаниях фрейлин можно найти удивительные факты, свидетельствующие о том, что она сама готовила, даже, случалось, сама чистила картошку. Сама ремонтировала одежду супруга. Балов и светских вечеров не любила, предпочитая им уют семейных ве-

черов.

Более всего супруги любили заниматься с детьми. Александр Александрович брал детей на свои богатырские плечи, а Мария Федоровна возила их по полу на широком шлейфе платья.

В такой доброй, теплой обстановке рос будущий император Николай II Александрович Романов.

И еще есть одно уточнение.

Династия Романовых в прямом мужском поколении пресекалась со смертью Петра II, а в прямой женской линии – со смертью императрицы Елизаветы Петровны. Но фамилию Романовых носили Петр III, его жена Екатерина II, их сын Павел I и его потомки.

Биограф отмечал:

«Новой генеалогической ветвью в династии Романовых явилось потомство императора Павла I, сына Екатерины Второй. От брака с принцессой Доротеей Вюртембергской, находившейся в родстве с прусским королем Фридрихом II, у него было десять детей. Достаточно отметить, что старшая дочь русского монарха Елена Павловна была замужем за принцем Мекленбург-Шверинским Фридрихом Людвигом; другая дочь Мария являлась супругой Карла Фридриха, великого герцога Саксен-Веймарского, а Екатерина – в первом браке супругой принца Гольштейн-Ольденбургского Георга и во втором замужем за Вильгельмом I, королем Вюртембергским. Старший сын Александра III, последний рос-

сийский император Николай II, был женат на дочери Людвига IV Гессен-Дармштадского. За время своего существования дом Романовых имел родственные связи с влиятельными династиями восьми европейских государств (Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Нидерланды, Греция, Швеция, Румыния, Черногория). Из названных стран наиболее тесными и исторически очень продолжительными были династические связи с представительными домами Германии».

Преобразователь земли Русской в поганую Европию действовал во имя Запада, и не было в его замысле ничего даже чуточку человеческого. Конечно, бывали случаи, когда бракосочетания цесаревичей и великих князей совершались по любви, а сколько было горя, сколько драм?! Мы увидим в последующих главах сколь удачным оказался выбор цесаревича Николая Александровича, кем стала для него принцесса Алиса. Но начиналось все с разлуки с любимой, с которой ему довелось встретиться после тяжелого объяснения еще раз...

Как рано кончилась весна «счастливой юности»

Была весна. Природа оживала после зимних выюг, зелене-ли поля, пробивались первые робкие листочки на деревьях, выстроившихся вдоль дороги, по которой ехал верхом молодой человек в полковничьем мундире русской армии. Ехал один по дороге от военных лагерей, ехал на последнее, прощальное свидание со своей возлюбленной, которое сам назначил ей у сенного сарая, что стоял на взгорке неподалеку от Волконского шоссе, соединяющего Царское Село с Санкт-Петербургом. Шоссе носило имя героя Отечественной войны 1812 года светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. Близ шоссе находились летние военные лагеря. К ним лежал путь через небольшой городок София, построенный под руководством светлейшего князя.

Полковник, спешивший на свидание, не случайно выбрал это шоссе и сенной сарай, являвшийся хорошим ориентиром. О его существовании хорошо знала та, которой он назначил встречу. Сарай был отчетливо виден с дороги.

Вот и опушка небольшой рощицы. Дальше – крутой поворот. Здесь всадник съехал с дороги, пришпорив коня, поднялся на взгорок и обернулся.

По шоссе мчалась карета, мчалась лихо, плавно раскачи-

ваясь на ухабах. Богатая карета, почти как царская.

Полковник спешил, поставил коня у коновязи. Сделал несколько шагов навстречу молодой женщине, покинувшей карету и почти бежавшей к нему навстречу, несколько запыхавшись на подъеме.

– Маля, милая! – назвал ее молодой полковник ласкательно уменьшительным именем, закрепившимся за ней: – Ты приехала! Ты все уже...

Она приложила пальчик к его губам, прижалась к нему, едва сдерживая слезы, которые душили ее, и произнесла скороговоркой:

– Я не могла не повидать тебя в последний раз... Как же это ужасно звучит: в последний раз!

– Что же делать. Я не принадлежу себе! – в который уже раз повторил полковник.

– Знаю, и все же... О, как тяжело, Ники, как мне тяжело. Я еще могу обращаться к тебе на «ты»?

– Маля, милая Маля, – ответил он, и голос его дрогнул: – Я же тебе говорил. И не устану повторять: что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости.

Он повторил почти дословно то, что уже писал в письме, прося об этой прощальной встрече.

– И ты, и ты, – говорила она, едва сдерживая рыдания. – И ты самое лучшее, что было у меня в жизни. Самое лучшее, что было, и лучше, что будет...

Он говорил ей о том, что она всегда может к нему обращаться с любыми просьбами, он всегда поможет, но только вот встреч более не будет – эта встреча прощальная.

И снова повторил:

– Я, как наследник престола, не принадлежу себе...

Им столько надо было сказать друг другу, но у него было очень мало времени. Он уехал из лагеря один, без сопровождения, без охраны, а потому не хотел тревожить тех, кто уже заметил его отсутствие.

Еще раз обняв ее, вскочил на коня и не оборачиваясь поспешил прочь.

Она же оперлась на коновязь и беззвучно зарыдала, глядя ему вслед и вспоминая, что еще хотела сказать на прощание, и сожалея о том, что так и не сказала.

А наследник российского престола цесаревич Николай Александрович мчался во весь опор к лагерю, словно боясь того, что не выдержит, что повернет коня назад и помчится к своей несравненной Мале – необыкновенной красавице, Матильде Кшесинской, которой в день их знакомства на выпускном концерте Театрального училища его отец, император Александр III, пророчески сказал:

– Будьте украшением и славою русского балета...

Вся душа его, молодого человека, протестовала против того, что произошло только что, но, как человек чести и долга, не видел для себя иного пути и не знал иного решения. Ведь он был не просто молодым человеком, он являлся на-

следником престола, что накладывало на него особые обязанности, что накладывало огромную ответственность. Он был продолжателем династии государей, и в нем, в его судьбе как бы фокусировались традиции пращуров, он оценивал их жизненные пути, их поступки и поступал так, как подсказывала ему его совесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.